

Саша Канес
Вороньи игры
Серия «Романы об Эве»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442006
Канес С. Вороньи игры : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59499-3*

Аннотация

Не просто быть не такой, как все.
Но эта женщина – ураган. Правила – не для нее.
Вся она – протест и энергия.
Она – шоколадная ворона в стае обычных серых птиц.
Но найдет ли она среди них свою любовь и счастье?..

Содержание

Не Дрейфуса дело...	4
Город вечной осени	11
Брак без права на интим	16
Забытая встреча	26
Эфиопский попутчик	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Саша Канес

Вороньи игры

Посвящается светлой памяти Орианы Фаллачи

Не Дрейфуса дело...

Огромный темно-вишневый лимузин с российскими номерами въехал в город, проследовал по набережной Сены, миновал Трокадеро, затем Лувр, после чего свернул направо и углубился в переулки Монпарнаса. Через некоторое время громоздкий автомобиль не без труда припарковался в тесном скверике, украшенном памятником капитану Дрейфусу.

Наступал вечер. Несмотря на прекрасную теплую погоду, прохожих практически не было, и бронзовый армейский капитан, исполненный туповатой доблести, салютовал обломком шпаги пустому Парижу. Все, что здесь теперь происходит, теперь уже не его, Дрейфуса, дело!

Лимузин остановился напротив памятника. Водитель-азиат, очевидно, совмещал водительские обязанности с ролью телохранителя. Вид у него был мрачным, а глаза казались пустыми. Несколько дней назад его вместе с новым автомобилем прислали во Францию московские друзья. Он вышел из машины и открыл заднюю дверцу.

Но Хозяин не спешил покидать свое место. Доктор Тауфик Магриби приходился внуком одному давно почившему иерусалимскому муфтию времен английского мандата и Второй мировой войны. Он не знал своего деда, но унаследовал неукротимое и жестокое стремление к власти над презируемым им народом. Молодость Тауфик провел в Москве, где окончил знаменитый Университет дружбы народов, а потом – еще одно закрытое учреждение, где готовили настоящих борцов с чем угодно.

Каждый правильный араб считает необходимым вставить перед своей фамилией солидное слово «доктор». Следуя традиции, Магриби тоже защитил в свое время диссертацию: кто-то из университетской шушеры накалякал чушь, посвященную историческим корням стремления палестинского народа к свободе и демократии, Тауфик получил машинописную копию из рук очкастого представителя популяции факультетского «планктона». Будущий доктор даже не затруднил себя внимательным чтением собственного научного труда.

Его научного руководителя аспиранты между собой называли «морским свином». Этот отрицающий любые нравственные понятия политический стукач и впрямь походил на жирненькую морскую свинку с провисшим пеликаньим зобом. Не было в мире такого диктатора-людоеда, к которому этот человек, используя свое положение в советских спецслужбах, не пытался бы набиться в «личные друзья». Кстати, похоже, что именно он и придумал термин «личный друг». Интересно, а кого он считал другом «не личным»? Впрочем, в «дружбе» он достиг изрядных успехов. Правда, когда его приятели-тираны оказывались за решеткой, «морской свин» не утруждал себя посещением узилища. Не утешал он «личных друзей» и в последний вечер накануне свидания с виселицей. Этот человек никогда не скрывал своей истинной натуры, но даже мыслящая публика приучилась искренне принимать его изощренную подлость за высшую мудрость. В результате «свинку» удалось завершить свою политическую карьеру кратким пребыванием на чрезвычайно высокой и почетной государственной должности. На ней он, как и следовало ожидать, проявил себя исключительно бездарным негодяем, но это только усилило уважение общества и коллег к мэтру политического «стука».

Бывшие ученики «свина» расплозились по одиозным структурам «третьего мира», но об учителе своем предпочитали не вспоминать. Во всяком случае, вслух. Тауфик Магриби не был исключением.

Лихая московская молодость прошла – все в этой жизни когда-нибудь проходит! Сейчас доктор, развалившись на роскошном кожаном диване, досматривал новости. Большой жидкокристаллический экран был встроен в панель, отделяющую салон от кабины водителя. Скривив тонкие губы в недоброй усмешке, доктор неких наук с явным удовлетворением вглядывался в непрерывно сменяющие друг друга сцены насилия.

Где-то совсем неподалеку отсюда одуревшие от наркоты и безделья арабские и чернокожие подростки крушили и жгли все, что попадалось под руки. Жестокая и бессмысленная волна перекинулась из Клиши в центральные районы Парижа. Еще совсем недавно в квартале Сен-Дени престарелые проститутки сонно предлагали свои потасканные тела законопослушным гражданам. Теперь, источая гарь и смрад, здесь горели десятки ни в чем не повинных автомобилей. Обмотанные клетчатými «арафатками» дети Северной Африки вытряхнули из экскурсионного автобуса российских туристов, приехавших полюбоваться Парижем из далекого Ярославля. В минуту в автобусе перебили все стекла и пробili шины. Затем салон облили бензином и подожгли. В начале событий премьер-министр Доминик де Вильпен, обращаясь к испуганной нации, заходил в обещания укротить хулиганов. Но вскоре стало очевидно, что это лишь слова. Несколько раз измученный глава правительства уже обмолвился о своей принципиальной готовности к диалогу.

– К диалогу с кем, несчастный политический дурачок? – усмехнулся доктор непонятных наук, до глубины души презирающий обе стороны конфликта.

Все прекрасно знали, как это началось. Восемь дней назад в пригороде Парижа Клиши двое мусульманских подростков североафриканского происхождения ограбили и избили пожилого парижанина. Полицейский патруль, случайно оказавшийся на месте происшествия, попытался поймать юных грабителей, чтобы затем доставить их в жандармерию. Там несовершеннолетних хулиганов могли, в соответствии с либеральным французским законом, отругать, вызвать родителей, если таковые имеются, и занести в компьютерную базу данных как потенциальных правонарушителей. Но подростки предпочли убежать с добычей – с тощим кошельком ограбленного ими пенсионера. Попытка спрятаться в трансформаторной будке привела к тому, что хулиганы запутались в высоковольтных проводах и сгорели заживо. Ошибка природы, допустившей их рождение, была исправлена. Но уже через час все Клиши пылало: в память погибших малолетних преступников горели автомобили, лавки, конторы, мастерские и пекарни. И вот уже исламская молодежь всей Франции по-своему отмечала последнюю неделю священного мусульманского месяца Рамадан.

Смотреть репортаж про пылающий Марсель владелец лимузина уже не стал. Не выключая телевизор, он вышел из автомобиля и, жестом приказав водителю оставаться на месте, направился к маленькому восточному кафе, углом выходящему в сквер. Запланированная на два часа встреча с Ханан должна была состояться именно здесь.

Доктор Магриби терпеть не мог, когда опаздывали. А Ханан, увы, имела такую дурную привычку. И ей было плевать, что Тауфик теперь уже не просто ее начальник, но и возглавляет всю оперативную службу, главную в структуре их организации. В последнее время эта умная и чрезвычайно способная, причем способная на все, дама что-то слишком объевропеилась. Собственно, она никогда не отличалась особой покорностью. Ханан была плохой мусульманкой – ну и Аллах с ней. Особенно усердный в вере – либо лжец, что, в общем, нормально, либо дурак, а это уже никуда не годится. А она – совсем-совсем не дура.

Ханан стала исключительно профессиональной и удачливой авантюристкой. В отличие от Тауфика, учившего в Москве русский, Ханан, наоборот, еще ребенком выучила арабский в Дамаске, где много лет работал в корпункте ТАСС ее отец. Не желая жить в гниющем

«совке», она в восемнадцать лет вышла замуж за богатого сирийского подрядчика. Еще до того, как стать вдовой, Ханан на некоторое время стала любовницей Тауфика.

Их знакомство с Тауфиком произошло благодаря все тому же научному руководителю. Отец Ханан дружил с этим человеком, если слово «дружба» вообще применимо к людям, подобным «морскому свину». Ханан терпеть его не могла. Ей не было еще и пятнадцати, когда она, совершенно преднамеренно, оскорбила этого человека. Однажды, во время семейного обеда, который давали в честь навестившего их в Дамаске московского друга, отец, подмигнув жене и дочери, процитировал слова одного из своих коллег:

– Как вы думаете, про кого это сказано: «Если бы не природная осмотрительность и осторожность, его смелость можно было бы сравнить только с бесстрашием барса!» – При этих словах отец подмигнул своему гостю.

После короткой паузы Ханан произнесла уже низким грудным голосом:

– Какой-то лизоблюд просто побоялся сравнить своего начальника с трусливым шакалом! Но побоялся... хотя и очень хотел!

«Свин» оказался слишком хитер, чтобы изображать обиду. Но при этом не в его правилах было что либо забывать и уж тем более прощать. Он отомстил всей семье: спустя короткое время отца Ханан отправили в такую «горячую точку», откуда он уже не вернулся.

К тому моменту дочь уже была замужем за Бассамом Зуаби, но спала с Тауфиком, то есть с доктором Магриби. Она демонстративно наплевала на строгие мусульманские традиции и не жила дома. С таким любовником она могла себе позволить даже это. В постели нестарый еще Тауфик был намного полезнее, чем ни на что не годный Бассам Зуаби. Муж, пока она его не бросила, раза два в неделю безуспешно пытался вмять свой обрезанный отросток, затерявшийся в жировых складках, в ее равнодушное лоно.

Бассам знал, что Ханан начала работать на знакомого ему доктора Магриби, но о связи Ханан с шефом по тупости своей не догадывался. Поэтому он упорно надоедал Тауфику, призывая поспособствовать возвращению беглой жены и в примерном ее наказании. Он ныл, вспоминая о том, как немало заплатил за нее покойному теперь отцу Ханан, в дни перестройки тайно вернувшемуся в лоно ислама. Дорого обошлось Бассаму и согласие на второй брак, требовавшееся от первой жены – малограмотной толстой тетки, обвешанной с ног до головы золотом. Бассам Зуаби никогда бы не прекратил нудить и жаловаться всем вокруг, но однажды совершенно случайно упал с лесов четвертого этажа, который сооружал над крышей собственного дома.

Старший сын от первого брака, Мухаммед Али, готовился обзавестись семьей, и, по давней традиции, отец должен был надстроить для него еще один этаж над собственным жилищем. Инспектируя рабочих, супруг Ханан зацепился брючиной за арматурный прут и, неловко повернувшись, свалился вниз прямо на заготовленные бетонные блоки. Такую картину гибели господина Зуаба, во всяком случае, нарисовали допрошенные полицией строители. Никто не интересовался, насколько случайной была эта смерть.

Вообще-то в жизни Ханан мало что было случайным. После смерти мужа Ханан Зуаби наследовала немало денег и обрела свободу. Связь с Тауфиком как-то сама собой прекратилась, зато сотрудничество укрепилось.

Доктор Магриби был бы совершенно доволен своей лучшей сотрудницей, если бы эта куса¹ не имела привычки опаздывать! «Не Зуаби – Зуби² твоя фамилия!» – ругался про себя шейх.

Он еще раз посмотрел на часы. До последнего времени у Ханан был лишь один прокол. Точнее, прокололся он сам, но Ханан знала, чем заслужить расположение шефа, и взяла всю

¹ Неприличное слово женского рода (арабск.).

² Неприличное слово мужского рода (арабск.).

вину на себя. Он «благородно» позаботился о том, чтобы Ханан никак не пострадала, а сам он стал тем, кем стал.

Никто так до конца и не понял, что случилось с этим казахским придурком Сериком. Судя по всему, он остался в живых, и, увы, неизвестно, что из него смогли вытащить всеческие спецслужбы. Много от него узнать не могли: Серик не знал подлинных имен, не знал настоящих адресов. Его, Тауфика Магриби, несостоявшийся шахид называл именем Рамзи. У господина Магриби и впрямь имелся тогда бельгийский паспорт на имя какого-то Рамзи Умарова, ингушского отморозка, прославившегося своим зверством на грузино-абхазской войне. Настоящий Рамзи, бандит и садист, осел в вайнахской деревне под Брюсселем и проводил время за компьютерными играми. Паспорт ему без надобности, а рожа, если побрить, преобразается в нечто, очень похожее на лицо господина Магриби. Вряд ли казах укажет, где в Сирии находится тренировочный лагерь, в котором из него пытались сделать шахиду. Единственная зацепка – подмосковный аэродром, где он обучался на «камикадзе». Но, скорее всего, и там не найдут никаких концов Рамзи-Тауфика. Администрация аэроклуба настолько остро нуждалась в деньгах, что не задавала лишних вопросов тому, кто готов был заплатить пару тысяч долларов за несколько часов полетов.

И все-таки Ханан правильно поступила, сказав, что лишь она виновата в том, что ее подопечная, соплычка Малика, оказалась недостаточно натренирована и психологически обработана. Поэтому, видимо, не слишком достоверно изобразила приступ, впала в панику и слишком неловко попыталась вытащить из себя взрывчатку. Разумеется, никто в точности не знал, что произошло на этом проклятом рейсе – информацию собирали по каплям. Но, безусловно, удобнее было верить в вину раскаявшейся Ханан, чем в ошибку самого Тауфика Магриби. Еще проще было закрыть тему из-за того, что самолет действительно попал в зону турбулентности над Норвегией, отчего и совершил экстренную посадку в аэропорту норвежского города Бергена. И, в конце концов, не ошибается только тот, кто ничего не делает. Безусловно, плохо, что этого казаха не прибили оперативники во время захвата и что пятьдесят граммов прекрасной взрывчатки не рванули в его заднем проходе. Всем было бы лучше и спокойнее. Но, слава Аллаху, Тауфик Магриби с детства славился замечательным красноречием. Ему удалось убедить саудовского инвестора в том, что почти безукоризненно подготовленная операция сорвалась исключительно из-за проклятой турбулентности, за которую ни Ханан, ни сам Тауфик ответственности нести не могут! Никто не ведает планов Аллаха: может быть, в этот раз он решил просто напугать неверных и заставить их тратить еще больше сил и денег на организацию охраны в своих нечестивых воздушных портах. Впрочем, инвестор, как и он сам, прекрасно понимал, что к Аллаху все это не имеет никакого отношения. Инвестор качал нефть, и Тауфик считал, что инвестору необходимо делиться с теми собратьями, у которых нефти нет. Зачем доктору Магриби выглядеть рэкетиrom, если можно быть борцом за святое дело? Зачем инвестору выглядеть жертвой вымогателей, если он может стать добровольным жертвователем во славу ислама? И народу тоже лучше продолжать пребывать в тупости и в нищете, но верить, что шейхи, муллы и шахиды добьются для всех правоверных лучшей доли и превосходства над прочим миром. Для этого не нужно тяжело работать, не нужно о чем-либо думать и совсем не обязательно чему-то учиться: только терпение, молитва и джихад!

Из-за недавнего экстраординарного происшествия Тауфику и Ханан не только пришлось мобилизовать все свои возможности, но и соблюдать чрезвычайно жесткие условия конспирации. «Береженого Бог бережет!» – сказала монашка, натягивая на свечку презерватив. Старо, банально, но очень верно! Еще со времен студенчества Тауфик полюбил эту шутку и сделал ее одним из основных принципов своей жизни. Он сменил машину, водителя и в очередной раз паспорт. Он договорился о встрече в городе, где спецслужбам не до него и не до Ханан. Доктор Магриби, разумеется, несколько беспокоился, но в душе все равно

был уверен, что Ханан доложит ему, что злополучный корабль с драгоценным грузом уже свободен. А дополнительные расходы все равно покроет инвестор. Никуда не денется!

Кафе еще пустовало. Никто не сидел и за вынесенными на улицу пластмассовыми столиками. Завсегдатаи должны показаться в заведении только после захода солнца.

Владел заведением пятидесятилетний сирийский араб. И он сам, и его двоюродный брат с сыновьями неплохо готовили, хорошо и почтительно обслуживали гостей. Поэтому были все основания предполагать, что вечером клиентов наберется достаточно. В ожидании разрешенного часа сам владелец бизнеса сидел в глубине хозяйственного коридора и любовно начищал роскошные, в половину человеческого роста кальяны, предназначенные для особо почетных гостей.

Тауфик взглянул на часы и осмотрелся по сторонам. Вокруг – никого, кроме трогательной пары парижских стариков, бредущих со стороны главной улицы, поддерживая друг друга. Покрытая редким седым пушком голова дедка заметно подрагивала то ли просто от слабости, то ли от паркинсонизма. Одной рукой старик опирался на алюминиевую палку, а другую галантно подставлял своей спутнице. На самом же деле старушка была чуть крепче. Из всех своих тоже, надо сказать, невеликих сил она старалась поддержать мужа.

Разумеется, доктора Магриби пара старых парижан не умиляла и вообще не интересовала. Он взглянул на часы и снова взял в руки мобильный телефон. Но набрать нужный номер не успел. Его внимание отвлекли два черных подростка, выскочившие в сквер с противоположной от кафе стороны. Там уже несколько месяцев жила своей тихой жизнью небольшая и чрезвычайно аккуратная городская стройка, отгороженная от улицы зеленым нейлоном. Подросткам было на вид лет пятнадцать-шестнадцать. Один из них держал в руках наполовину заполненную бензином пятилитровую канистру, а другой, покрупнее, на бегу размахивал длинным ржавым куском трубы, подобранным, видимо, на той же стройке. Не оглядываясь по сторонам, они бросились к припаркованному на инвалидной стоянке старенькому «Ситроену». В этот момент старики заметили подростков и повернулись в их сторону. Хулиганы проворно расколотили лобовое стекло несчастной машинки и выплеснули внутрь часть содержимого канистры. Старушка, держась обеими руками за локоть своего ветхого спутника, закричала неожиданно звонким голосом:

– Прекратите немедленно! Эта страна приютила и накормила вас и ваши семьи! Вы должны испытывать благодарность!

Неуемная старушка прокричала еще что-то про уважение к старшим и про права инвалидов. Подростки на крик никак не реагировали и быстро подожгли автомобиль. Убедившись, что пламя охватило маленький «Ситроен», хулиганы кинулись к пенсионерам. Их лоснившиеся от пота и гари черные лица искажала ненависть. Пытаясь спасти спутницу от удара, старик из последних сил бросился наперерез и получил острым краем трубы по темени. Его спутница отчаянно попыталась не дать мужу упасть, но следующий удар пришелся ей в висок.

Самого Тауфика несовершеннолетние убийцы не заметили. Зато их внимание привлек лимузин, наполовину загороженный памятником. Присвистнув при виде богатой добычи, хулиганы побежали крушить роскошную «тачку», не разглядев из-за затемненных стекол мрачного человека, сидевшего внутри. И российский номерной знак также не заставил их задуматься.

«Идиоты!» – про себя выругался доктор Магриби.

Дверь автомобиля распахнулась, и угрюмый водитель загородил собой капот лимузина. Жестом он призвал погромщиков остановиться. Подростки словно только этого и ждали – прямо на бегу они выхватили ножи. Китаеза в дорогом костюме! Убить косоглазого – круче, чем расправиться с белыми стариканами! Судя по костюму, азиат он французский, а значит, как и всякий законопослушный француз, не готов ответить силой несовершенно-

летним. Хваленая европейская толерантность не позволит ему не только подраться с ними, но даже пальцем их тронуть.

Но на этот раз они просчитались. Драки действительно не получилось. Противник не был специалистом по искусству кинематографических побоищ, и в Голливуде имел бы немного шансов стать звездой. Но у напавших на него парней не было никаких шансов выжить. Шофер только дважды ударил подбежавших к нему чернокожих хулиганов: один раз одного и один раз другого. Бил быстро, но спокойно и аккуратно, чтобы не выбить себе кисть и не содрать кожу на пальцах. Каждый удар был рассчитан так, чтобы сломать основание черепа. Сила удара важна, но еще важнее его точность. Почти незаметные со стороны, удары были точны и обладали сокрушающей силой. С невольным восхищением Тауфик оценил без преувеличения жуткий профессионализм своего нового подчиненного.

Трупы юных хулиганов валялись на мостовой в двадцати шагах от поверженных ими стариков. «Ситроен» горел, распространяя черную копоть и смрад. Из брошенной подростками пластиковой канистры на асфальт вытекали остатки горючей жидкости.

Все шло неправильно. Доктор Магриби спрятал в карман телефон и быстро направился к своей машине. Проходя мимо лежавших без движения пенсионеров, он бросил вниз тяжелый, лишенный жалости взгляд. В этот момент старик внезапно открыл глаза и прошептал окровавленными губами:

– Мы должны были заботиться об их воспитании...

Больше он ничего не сказал. В зрачках полуоткрытых глаз старика отражалось пламя горящего «Ситроена», но его жизненный огонь уже угас.

Тауфик огляделся по сторонам. Свидетелей или не было вовсе, или они предпочли не высовывать носов из окон и подъездов. Именно так, очевидно, поступил владелец кафе, который, выпучив от ужаса глаза, наблюдал за происходившим из замызганного коридора.

– Уезжаем! – приказал Тауфик водителю. – Садись справа. Я сам поведу. Приходи в себя!

Телохранитель пожал могучими плечами. Это означало, что он из себя и не выходил. Тем не менее приказание шефа выполнил и сел на правое сиденье. Но не успел Тауфик усесться за руль, как возле них, взвизгнув тормозами, остановился неведь откуда взявшийся микроавтобус с телевизионщиками. Два длинноволосых оператора побежали со своей камерой к пылающей машине. Тощая рыжая девица-фотограф с пирсингом в носу плюхнулась на землю, чтобы со всех ракурсов нащелкать распростертых на асфальте стариков и ненадолго переживших их убийц. Еще три человека бросились к лимузину.

– Что здесь произошло, мсье? Вы что-то видели? – Возле самого лица взбешенного доктора Магриби оказалась ворсистая груша микрофона. – Вы взволнованы, напуганы, мсье? Вам нужна помощь?

Тяжелый взгляд шейха несколько не обеспокоил подбежавшую к машине юную журналистку в джинсовом костюме. Подумав несколько секунд, шейх сжал мохнатую грушу микрофона ладонью и тихо прошептал склонившейся к нему девушке прямо в ухо:

– Да, я взволнован и очень напуган! Двое белых полицейских прямо на наших глазах зверски убили чернокожих юношей, зашедших погулять в этот белый район. Затем полицейские инсценировали поджог машины и уехали, сбив по пути двух пенсионеров, повинных только в том, что они оказались случайными свидетелями преступления.

Журналистка, не мигая, смотрела шейху прямо в глаза. Ему это явно не понравилось.

– Полицейские явно хотели убрать свидетелей! – произнес он специально с нажимом.

– А как же вы, мсье? – подумав, отреагировала журналистка. – Вы же свидетели! Почему они вас не тронули?

– Мы успели увидеть только задний бампер уезжающей прочь полицейской машины. Мне все рассказал перед смертью этот старик. – Тауфик Магриби указал на распростертое тело пенсионера.

– Вы будете свидетелем, мсье? Ваше имя, мсье? Вы готовы будете выступить в суде? Доктор Магриби горько усмехнулся, покачал головой:

– О нет! Мы не французы! Мы даже не европейцы! Мы русские, мадемуазель! Посмотрите на наши номера. Наш триколор содержит те же цвета, что флаг Франции, но нам никто здесь не поверит! Всех русских в этой стране считают бандитами. Мы простые туристы, и, повторяю, мы очень напуганы. Мы боимся мести со стороны убийц-полицейских. Мы уезжаем. Занимайтесь своим делом, мадемуазель!

– Вы так хорошо говорите по-французски...

– Спасибо за комплимент, мадемуазель. Вы тоже. Прощайте!

Тауфик оттолкнул микрофон и с нескрываемой досадой кинул последний взгляд на симпатичную девушку: «Ее бы мне в другое время и в другом месте!» С этой мыслью он воткнул электронный ключ в предназначенную для него щель.

Машину придется бросить неподалеку, предварительно сменив номера. Потом ее заберут ребята из какого-нибудь арабского или турецкого гаража и поставят к себе до особого распоряжения. Тауфика раздражали возникшие осложнения, но серьезного беспокойства сложившаяся ситуация не вызывала. Куда хуже, что они почему-то не встретились с Ханан.

Он кинул взгляд на своего спутника. Уступивший водительское место мрачный человек сидел в правом кресле с ничего не выражающим лицом. Он никак не участвовал в беседе с представительницей прессы и продолжал неотрывно смотреть вперед. Доктор Магриби едва успел нажать кнопку запуска двигателя, когда с противоположной стороны в переулок въехала машина «Скорой помощи». Неизвестно, кто из жильцов дома успел вызвать парамедиков, но теперь лимузин оказался запертым со всех сторон: сзади – телевизионщики, спереди – белый фургон с красным крестом. Тауфик занервничал по-настоящему. Несмотря на включенный климат-контроль, на его смуглом лбу появилась испарина. Правая передняя дверь белого фургона отворилась. Молодой мужчина в белом халате направился к лимузину.

У Тауфика всегда было прекрасное чутье. К тому же даже в чрезвычайных обстоятельствах он не терял способности логически мыслить. Разумеется, он сам не вызывал «Скорую помощь», и вряд ли ее успел вызвать кто-то другой. Рука шейха сама собой потянулась к подлокотнику, где лежал «ТТ» со спилленным номером. Теперь доктор Магриби осознал, что серьезных неприятностей не миновать. Хорошо, что правильно обученному азиату не нужно объяснять, что делать. Тауфик едва успеет покончить с человеком в белом халате, а его спутник уже разберется с теми, кто приехал сюда под видом медиков, и уберет их поганый тарантас с дороги. Доктор Магриби опустил стекло, чтобы было удобно стрелять, и жестом показал своему спутнику, что тот может открывать дверь и бежать к furgону.

Но шофер не вышел и никуда не побежал. Вместо этого он одним движением сломал хозяину правое предплечье. Затем вырвал «ТТ», с хрустом ломая фаланги и суставы скрюченных в судороге пальцев шефа. Почувствовав адскую боль, Тауфик Магриби захлебнулся собственным криком, но через долю секунды лишился чувств.

Город вечной осени

Свинцовое небо, не переставая, выплескивало на землю потоки холодной воды. Даже дождем это назвать было нельзя – упругие струи не разделялись на капли. При этом валившаяся с небес вода была очень чистой, и, когда я смотрела на окно, казалось, что его непрерывно моют из шланга. Небесные силы, видимо, не желали, чтобы, высыхая, стекло покрылось таким привычным мне неопрятным белесым налетом и серой уличной пылью.

«Я слушаю тебя... Говори... папа!» – это я не сказала, только подумала.

Отец сидел напротив и смотрел на меня, почти не мигая. Он не мог преодолеть себя, нарушить молчание и обратиться ко мне. Он не знал ни с чего начать, ни чем продолжить. Не старый еще, красивый мужчина с такими же, как у меня, изумрудно-зелеными глазами. Только вот под глазами мешки. И веки отекавшие, красные и воспаленные.

Я совсем не помню, каким он был до Афганистана. Но твердо знаю, что говоруном он не был. Мама всегда была спокойной и молчаливой. Это и понятно – среди тигре болтуны не в чести! Во всяком случае, мне приятно думать, что мои соплеменники не только мужественны, но и знают цену каждому своему слову. Однако сейчас я готова была разрыдаться от беспомощности из-за того, что мой отец не может открыть рот и лишь затравленно смотрит на свою взрослую дочь. Я понимала, что такое молчание свидетельствует о слабости.

– Какого черта ты меня вызвал? Какого черта ты сидишь напротив, если не можешь сказать ни слова?! – Сама не знаю, проорала я это вслух или только подумала.

Мне до сих пор непонятно, как можно передать словами состоявшийся в итоге разговор. В душе моей скопилось столько боли и непонимания, что я даже не пыталась их скрывать.

Как могло случиться, что при живом отце я жила сиротой? Как могло случиться такое, что молодая прекрасная женщина, моя мать, при живом муже последние несколько лет своей жизни прожила вдовой? Да, мой отец попал в плен. Да, его случайно спасли американцы. Да, это было еще то, советское, время. Но ведь к «стенке» уже не ставили и не сажали на долгие годы всю семью «предателя»!

Конечно, я осознаю, что офицера, вернувшегося из душманского плена, не ждали лавры героя – лишь презрение, конец военной карьеры и отсутствие права на хоть сколько-нибудь достойную пенсию. Как работает система, отец уже знал по своему эфиопскому опыту. Женитьба на маме стала отличным тестом. Слава богу, отцовское начальство не пожелало, чтобы возникли малейшие подозрения о пленении военного летчика. «Пропавший без вести» – ужасная формулировка для всех – и для семьи, и для генералов. По мнению разведчиков, в конце концов добравшихся до обгоревших обломков вертолета, шансов остаться в живых у пилота Воронова не было. Так к чему тогда никому не нужные расследования, мучительные выяснения отношений с высоким начальством и лишение семьи, то есть нас с мамой, даже скудных средств к существованию? Принятое решение было по-своему благородным: «груз двести», набитый бараньими костями, улетел на родину погибшего героя.

Командиром разведгруппы, нашедшей изуродованные обломки летательного аппарата, был не кто иной, как Батый. Мой учитель знал отца еще по их общей борцовской юности, их встреча в Афганистане стала для обоих случайностью. Осмотрев «Ми-24», Батый понял, что вертолет сгорел не сам по себе, а был намеренно подожжен уже после падения. Майор Орчибатов не подпустил молодых бойцов из своей группы к «Ми-24», аргументируя это тем, что вокруг могут быть расставлены мины-ловушки. Он сам обследовал то, что осталось от кабины, и увидел, что там нет тела. После этого принял решение возвращаться, сказав лишь, что погибшего летчика заберут позже саперы. Батый всегда был неразговорчив, и лишних вопросов ему обычно не задавали, в особенности подчиненные. Убедить начальство, что

душманы вытащили из кабины уже мертвого летчика и забрали тело для того, чтобы заманить разведчиков в ловушку, не представляло особого труда.

Сам Батый уже знал правду. Местные жители охотнее шли на контакт с «нерусским азиатом». По долгу службы майор имел «свои источники», и мальчишка из горного кишлака сообщил ему, что раненого русского летчика забрали у афганцев белые люди, говорившие по-английски. Батый понимал, что отцовские шансы на выживание тем выше, чем меньше о нем будут говорить. Интересы всех сторон совпали. А мама вместо того, чтобы стать женой «предателя», стала «вдовой».

Своим спасителям отец оказался неинтересен. Оказавшись в США, он, подобно сотням тысяч эмигрантов, вынужден был перебиваться любой черной работой. Но он не знал, как передать нам с мамой даже то, что ему удавалось выкроить из мизерных заработков.

Это стало возможным только через несколько лет. В поисках работы папа оказался в «русском» Бруклине, где совершенно случайно встретил нескольких старых знакомых. Это были бывшие борцы, различными путями проникшие в США. Все они работали на фирме некоего Дэвида Фелда, ловкого прораба из города Бельцы. Этот человек не брезговал никаким заработком. Часть его подчиненных занималась скупкой «на вес» бывшей в употреблении одежды и отправляла весь этот хлам в перестроечное отечество. В то время был еще разрешен так называемый бартер, и за одежду Фелд получал не деньги, а странные российские товары – от декоративного чугунного литья до матрешек и бумажных обоев. Как ни странно, процентов восемьдесят этого разномастного хлама находило в Америке своего покупателя. Но основным занятием фирмы в конце концов стала скупка домов в Гарлеме. Мэрия Нью-Йорка разработала специальную программу, направленную на то, чтобы расчистить и привести в порядок криминальные и запущенные районы Манхэттена. Любая компания могла выкупать в собственность многоэтажные кирпичные дома по цене один доллар за штуку. Дешевизна такой покупки была обманчивой. Покупателю предстояло за год восстановить и отремонтировать загаженное строение. Только после этого государство обеспечивало владельца «социальными» жильцами, обычно многодетными черными семьями, где никто никогда не работал и даже не помышлял искать работу. Поругивая власти за жадность, эти люди довольствовались пособием, талонами на еду и оплатой того самого жилья, которое им сдавал Дэвид Фелд и его коллеги. Огромное удобство для бизнеса состояло в том, что не нужно было бегать за квартиросъемщиками, чтобы собрать деньги. Ежемесячную плату за жильцов-тунеядцев переводило само государство. В течение нескольких лет владелец не имел права перепродавать такой дом и должен был сам обеспечивать его эксплуатацию. Но зато потом превратившийся в преуспевающее коммерческое предприятие объект недвижимости мог быть реализован с немалой прибылью.

Разумеется, у этого «простого» бизнеса было несколько сложностей, почти непреодолимых для нормальных предпринимателей, главной из которых оказался «человеческий фактор». В каждом таком «долларовом» доме, формально нежилом, отключенном от воды, газа и электричества, нелегально обитали всяческие наркоманы, алкоголики и прочая бесприютная шваль. В соответствии с гуманными американскими законами применять силу при изгнании этой публики было невозможно, во всяком случае, в открытую. Разумеется, самовольные жильцы отстаивали свое право на проживание всеми доступными им средствами, но если бы застройщику пришло в голову хотя бы угрожать оружием и об этом узнали бы власти, то на долгие годы домом бизнесмена стала бы тюрьма.

Поэтому Дэвид Фелд подобрал себе «команду», состоявшую из бывших советских спортсменов и таких же, как мой отец, «афганцев». Белецкий прораб не без основания предположил, что такие люди обладают необыкновенным «даром убеждения», которому не мешает не только отсутствие дара красноречия, но и слабое владение английским языком. Расчет оказался верным. Большинству обитателей нью-йоркского дна достаточно было

только посмотреть на выходявших из фелдмановского мини-вэна угрюмых тяжеловесов, чтобы немедленно согласиться на мирное переселение в бесхозные трущобы куда-нибудь подальше. Если же столкновение все-таки происходило, оно было энергичным и очень коротким. Выжившим аборигенам не приходило в голову обращаться в полицию и пытаться утверждать, что причиной смерти вылетевшего из окна товарища стало нечто иное, чем обычная передозировка героина.

Отец работал по двадцать часов в сутки. Утром он занимался погрузкой в порту контейнеров с юзаными джинсами. Днем торчал на стройке, где учил разношерстных гастарбайтеров оклеивать стены квартир устрашающего вида обоями.

Обои появились в результате весьма любопытного стечения обстоятельств. Несколько лет назад сыктывкарский «бизнесмен» по кличке Гоша Молодой по взаимной договоренности получил от Фелда на реализацию партию элитной итальянской деревянной мебели. Когда сыктывкарцы вскрыли полученные контейнеры, то удивлению их не было предела – внутри находились журнальные и чайные столики, изготовленные на Тайване из стекла и дешевой пластмассы. Тем не менее товар быстро и выгодно распродали. А шутник Гоша предложил своему партнеру в качестве оплаты бартер. Дэвид Фелд обрадовался перспективе заработать «в два конца» и получил в оплату своего товара несколько контейнеров обоев, произведенных на сыктывкарском ЦБК. Небогатый ассортимент состоял из двух разновидностей незатейливых бумажных обоев – «фейерверк зеленый» и «фейерверк фиолетовый». Продать эту жуть в США, разумеется, было нереально. Но господин Фелд все равно не остался внакладе – он принял решение оклеивать сыктывкарской продукцией стены в возводимых им социальных квартирах и немало сэкономил на отделочных материалах. Пораженные нездешней красотой, обитатели утверждали, что, находясь в комнате, оклеенной фиолетовой версией «фейерверка», даже самый крутой черный оттопырок приходил в такое умоисступление, что не мог попасть себе иглой в вену.

Пообщавшись с товарищами-«афганцами», отец принял участие в создании того самого фонда, из которого мы и начали получать деньги. «Фонд» – это громкое название, изначально в него входило не более десяти человек, располагавших только личными средствами. Однако статус благотворительной некоммерческой организации позволял переводить деньги в Россию и таким образом помогать родным, близким и друзьям. Папа нашел не только меня, но и Батыя. Он помог ему открыть в Москве собственный клуб и попросил взять шефство надо мной и Алексеем Матвеевичем. Мамы к тому моменту уже не было...

На мое счастье, Батый вошел в подъезд нашей «хрущобы» именно в тот момент, когда меня, маленькую темнокожую девочку с фигурными коньками на шее, били на лестничной клетке хулиганы. Батый поднял несчастного избитого ребенка на руки и понес домой. Он не стал гнаться за моими несовершеннолетними обидчиками. Что он, могучий взрослый мужчина, мог сделать с четырнадцатилетними сопляками. Убить и навеки сесть в тюрьму? Нет, конечно! Но он сделал главное – научил меня защищать себя! Я бросила фигурное катание, поменяла лед на татами. Я выбросила свое трико и короткую розовую юбочку. Главным моим девичьим платьицем стало пропитанное потом грубое хлопчатобумажное кимоно. Благодаря Батыю я вспомнила, что я – тигре! Я защитила себя! По-суворовски, ведь именно этот прославленный полководец учил, что лучшей защитой является нападение! В первый день следующего учебного года я встретила со своими обидчиками перед началом занятий и напомнила о себе. Очень удачно оказалось, что все трое жили в одном дворе. Двое отделались легко – уже через полгода после встречи со мной они начали снова учиться стоять на своих ногах. Разумеется, до сих пор, едва завидев меня на улице, они, прихрамывая, перебегают на другую сторону. Зато их третий товарищ, тот самый, что бил меня головой о ступеньку и от которого я впервые услышала словосочетание «черножопая обезьяна», никогда никуда уже не перебежит. И ходит он только в одном-единственном смысле – под

себя. Он интересно проводит время: сидит в кресле-каталке и тщетно пытается вспомнить собственное имя. Но главное – он теперь никогда не обидит ни одну маленькую девочку.

Отец пытался найти маму. Он ездил в Эфиопию, но ничего иного, кроме укрепившейся уверенности в ее трагической гибели, оттуда не привез.

Благодаря отцу Батый оказался тоже вовлечен в бизнес господина Фелда. На восстановление «однодолларовых» домов требовались деньги. Банки не хотели рисковать и вкладывать средства в восстановление сомнительной недвижимости. Своих средств у Дэвида Фелда было недостаточно. Поэтому отец предложил Батыю отыскивать работающих за рубежом российских спортсменов и тренеров, которые могут пожелать войти партнерами в этот бизнес. И следует сказать, что никто из тех, кто согласился, не пожалел. Отец уже занял такое положение в компании, что с ним и с его протеже жульничать не рискнул бы никто, включая самого господина Фелда. В результате десять тысяч долларов, выкроенные из скромного бюджета какого-нибудь «русского» учителя физкультуры из провинциальной американской школы, приносили через три года сумму, достаточную для приобретения небольшого собственного домика или «двухбедрумной» квартиры в Бруклине.

Алексей Митрофанович, сосед, заменивший мне отца, мать и вообще всех родных и близких, долгие годы тоже не знал всей правды. Учитель, разумеется, рассказал ему, что он сам прошел Афганистан и имеет отношение к американскому фонду, поддерживающему семьи советских офицеров-«афганцев». Но о том, что мой отец жив, дед Леша узнал только перед самой своей трагической гибелью. Лишь получив наконец долгожданное американское гражданство, отец перестал опасаться, что его плен и последующее бегство фатально скажутся на моей судьбе.

Все понятно. Все логично. Вроде бы... Но я смотрела в глаза своего отца и не могла понять, как же нужно бояться, чтобы не подумать о том, что живой отец рядом или хотя бы известие о том, что он жив, не стоят материально благополучного сиротства. Я не сказала ничего из того, что по этому поводу думала. Я не понимала, кто он мне в первую очередь – родной отец или помогавший мне издали посторонний и неизвестный человек. И то, и другое было правдой. Я не желала оттолкнуть только что обретенного отца раздражением и неприятием его поступков. А с посторонним человеком мне просто незачем было делиться своими переживаниями. Я справилась со всеми эмоциями. Я должна быть сильной! Я – тигре!

Но все же я не смогла не спросить:

– А что учитель? Что Батый думал об этом? О твоём решении? О такой жизни?..

– Думаю, он был не согласен и считал, что я не прав... но...

– Что «но»?..

– Он – хороший друг!

В этот миг я все же задумалась, как бы выглядела наша жизнь с униженным нищим отцом, выгнанным из армии, лишенным собственного угла, без элементарных средств к существованию. Как бы мы выживали в перестроечное и постперестроечное время? Не знаю. Я уверена, что он должен был сделать все, чтобы быть со мной, с нами... Уверена, но не смею судить! Я еще пристальнее всмотрелась в его изумрудно-зеленые глаза. Все-таки здорово, что этот цвет вопреки всем представлениям генетики все же достался и мне!

Неудивительно, что мне, девочке, всегда не хватало рядом кого-то, кто сильнее меня! И как больно было осознавать, что моего отца, офицера, летчика, судьба забрала так рано! Ведь я твердо знала, что его больше нет... И казалось порой, что, может быть, и не было его никогда вовсе, а была только легенда.

«Вот мой отец! – мысленно убеждала я себя. – И это счастье, что он теперь есть у меня!»

Если бы это был дурной фильм, вроде «мыльной оперы» или дешевого боевика, мне следовало броситься в объятия вновь обретенного родителя. Но я осталась сидеть. В его

глазах заискрились слезы. И тут я внезапно осознала: мой папа, в отличие от меня, совсем, совсем не тигре!

Брак без права на интим

Из госпиталя меня выпускать не хотели. Чувствовала я себя почти нормально, только при резких движениях ощущалась незначительная тошнота и окружающий мир перед глазами терял свою обычную устойчивость. Мои голова и шея приняли всю силу удара о потолок. Сразу после приземления меня, еще не пришедшую в сознание, накачали какими-то обезболивающими и седативными препаратами, чтобы, очнувшись, я не навредила себе резкими движениями, так что все манипуляции медики производили с бесчувственным или почти бесчувственным телом. Несмотря на то что тщательное обследование не выявило никакого повреждения или смещения позвонков, индеец-ортопед решил не рисковать и зафиксировать на некоторое время шею. Так я оказалась закована в пластмассовый ошейник.

В числе сотрудников госпиталя Святой Брунгильды, расположенного на окраине норвежского города Бергена, кроме администрации, коренных норвежцев не было. Были индийцы, поляки, были русский отоларинголог и анестезиолог-узбек. Вначале я не поняла даже, в какой стране нахожусь. Только после появления лысого сотрудника министерства внутренних дел, который принес мой паспорт с проставленной в нем «экстренной» визой, я поняла, где приземлился наш многострадальный «Боинг».

В госпиталь попало множество пассажиров с нашего рейса. Все они, как и я, пострадали не от сорванного, по сути, террористического акта, а от неожиданного попадания самолета в воздушную яму. Многие пассажиры бродили по проходам, стояли в очередь в туалет и, разумеется, не успели ни сесть на свои места, ни пристегнуться, когда лайнер провалился в воздушную яму, сразу потеряв почти тысячу метров высоты. Некоторые получили намного более серьезные травмы, чем я, — через пять дней после происшествия в «травме» и в неврологии оставалось не менее десяти лежащих больных.

Я так и не узнала, куда увезли оставшегося в живых террориста. Взорвавшуюся в туалете девицу не без труда собрали в черный пластиковый мешок и тоже куда-то отправили. Единственный, с кем я могла обсудить случившееся, был мой сосед по креслу в самолете, тот самый парень, который первым бросился на казаха. Он зашел ко мне, когда я еще только выплывала из лекарственного тумана. Сказал несколько теплых слов и ушел. Мне пока было как-то неудобно расспрашивать о нем персонал, но я слышала, как две медсестры, полька и китайка, обсуждали между собой на корявом английском, что одного из пациентов не слишком удачно прооперировали. Ему зашивали руку, распоротую «розочкой» из коньячной бутылки. Что-то не так оказалось с нервом, и возникла проблема с чувствительностью. Через несколько дней его должны были отправить в другой госпиталь, в Германию, чтобы там некое мировое светило исправило ошибку менее опытных коллег.

Мне разрешили прогулки. Я получила свою одежду, переоделась, и мы с папой направились на набережную в центре Бергена. У нас была только пара часов. В тот же день вечером отец улетап назад в Нью-Йорк. Узнав о случившемся, он прямо с работы умчался в аэропорт, бросив все дела. Я, слава богу, оказалась в порядке и совершенно не возражала, чтобы отец вернулся и встречал меня через пару дней дома. Его присутствие в больнице меня только стесняло. В уходе я не нуждалась, а развлекать меня у него не вышло. Возможно, он был не виноват, просто нам обоим непросто было прийти в себя после встречи. Я лично хотела побыть в одиночестве и осмыслить все, случившееся со мной, с ним, со всей нашей маленькой семьей. Он тоже, чувствовалось, так и не понял пока, как со мной общаться, и, как мне показалось, чего-то недоговаривал.

Главным и самым необходимым аксессуаром в Бергене, самом дождливом городе мира, является зонт. Дождь, говорят, льет здесь триста пятьдесят дней в году. Остальные пятнадцать или шестнадцать дней его сменяет мокрый снег. Берген всегда был городом рыбаков,

торговцев рыбой. Много лет назад к ним присоединились несуществующие веселые тролли, а потом реальный, но грустный композитор Григ.

Проигнорировав парк троллей и Дом-музей Грига, мы пошли на рынок, где, как нам рассказывали, можно угоститься изысканными деликатесами, только-только выловленными из морской пучины. Торговля шла возле самого берега под тентами, защищающими от дождя и торговцев, и покупателей. Угрюмое море со стоном накатывало серые волны на парапет. На поверхности покачивались унылые чайки. Суровые птицы опасливо косились на висящих в толще воды огромных медуз с длинными щупальцами и жуткими коричневыми шляпками-головами.

На рынке действительно продавалось множество совершенно необычных представителей подводной фауны. Но они были страшными, сырыми и не приготовленными для немедленного поедания. Поэтому мы решили выбрать что-нибудь попроще. Папа купил себе за пятнадцать долларов огромный бутерброд – из хлебного конверта соблазнительно высывался край соленой семги, обложенной листьями зеленого салата. Меня же потянуло на экзотику, и я остановила выбор на фаршированном крабе. У толстого угрюмого поляка мы приобрели по маленькой бутылочке дрянного пива по пять долларов каждая. Он извлекал бутылки прямо из ящика, поэтому пиво было не только скверным, но еще и теплым, по моему, градусов на десять теплее окружающего воздуха. Отцовский бутерброд, как оказалось, содержал в себе только малюсенький кусочек рыбы, тот самый, что соблазнительно высывался наружу. Зато салата было много. Вялые листья оказались столь грязными, что на папиных зубах скрипел песок. Из рассыпавшегося хлебного конверта на асфальт посыпались комочки земли, смешанные с желтыми подгнившими стеблями. Мои попытки съесть краба также не увенчались успехом. Сразу под спиленным панцирем находился толстый слой крупной соли. Когда же я попробовала проковырять в этом слое дырку пластмассовой ложечкой, прилагавшейся к изысканному норвежскому лакомству, то наткнулась, извиняюсь, на самое настоящее крабье говно. Ничем иным эта гадкая субстанция, таившаяся под слоем соли, не являлась. Мы с отцом подошли к парапету и вышвырнули наши «деликатесы» в море. Ближайшие к месту падения медузы ушли в глубину, а плававшие рядом чайки поднялись на крыло и с криками, в которых слышались одновременно проклятия и омерзение, устремились в свинцовое небо.

Торговцы смотрели на нас с явным осуждением, и мы прошли в крытый павильон неподалеку, где за совершенно немыслимые деньги нам предложили небольшую безвкусную пиццу. Не желая более экспериментировать с пивом, мы попытались заказать зеленый чай, но пожилой сердитый официант указал пальцем на чету пожилых немцев, на столике которых стоял крошечный фарфоровый чайничек с треснувшим носиком:

– Чайник с чаем сейчас у них. Когда они закончат, я вам заварю. Не раньше.

– А другого чайника у вас в кафе нет? – поинтересовалась я.

Тот раздраженно повел плечами и всем своим видом показал, что на нелепые вопросы не отвечает.

Позднее я поняла, что удивительным является уже сам факт, что коренной норвежец работает. Основная масса граждан этого европейского нефтяного эмирата, похоже, живет исключительно на пособие. Работают только гастарбайтеры. А малочисленная норвежская молодежь показалась мне сборищем деградирующих от безделья дебилов, появившихся на белый свет исключительно благодаря скверному качеству китайских презервативов.

Мы расстались с отцом возле входа в госпиталь. Он направился в аэропорт, а я, вернувшись в свое отделение, набросилась на больничный обед. Картофельное пюре и вареная курица показались мне изысканными яствами. Пока я с наслаждением запивала все это жидким чаем, ко мне подошла старшая медсестра и, виновато улыбаясь, сообщила, что из-

за эпидемии гриппа в городе больница оказалась переполненной, и пациентов пришлось уплотнить.

– Надеюсь, вам не протестует возражать, что мы поставили в вашу палату еще одну новую кровать и пригласили до вас мужа, – пролепетала пожилая турчанка.

Когда-то она работала медсестрой в туристической Анталии, и ее заставляли учить русский язык.

– Чьего мужа?! – обалдела я.

– Ваш мужчина домашний приводили. Вы Эуридик Воронофф?

– Да...

– Значит, господин Александр Воронофф – ваша супружеская официальность!

– Какой еще Александр Воронов?!

Одним глотком я допила остывший чай и помчалась в свою палату, поправляя на ходу надоевший ошейник. Одышливая восточная женщина в светло-зеленом халате семенила за мной.

Действительно, в моей палате теперь стояла еще одна кровать, а на ней с книжкой в правой руке лежал мой симпатичный сосед по самолету. При нашем появлении он вскочил, неловко взмахнув замотанной в бинты левой рукой. Лицо его исказилось, видимо, от внезапной боли.

– Извините, – пробормотал он. – Меня перевели сюда, ничего не объяснив толком. Санитар не говорил толком по-английски. Я понял только, что у них какая-то эпидемия.

– А мне объяснили, что вы – мой муж!

Молодой человек изобразил неопишное удивление.

– Ваша фамилия Воронов?

– Да, я Александр Воронов, можно Саша. Только я не понял...

– Я тоже Воронова, но Эвридика.

– Очень приятно.

– Что не в порядке плохая мужа господина? – спросила сестра, и смысл этого ее вопроса остался мне неизвестным по сей день.

– О'кей! – махнула я рукой. – Не беспокойтесь!

И обратилась уже к Саше:

– Лучше вы, Саша, чем какая-нибудь гриппозная норвежская старуха!

– Спасибо за сравнение! – громко рассмеялся он.

– Извините... – Я виновато развела руками. – Сорвалось!

– Ничего! Я тоже не считаю, что я хуже старухи!

– Вы что, правда тоже Воронов?

– Могу паспорт показать!

– Не нужно, верю на слово! Хотя вы, несомненно, и не мой муж.

– Разумеется! Но то, что мы летели рядом, еще больше укрепило всех в этой мысли.

– Могли подумать, что я ваша сестра, например...

Он развел руками и указал на наше с ним отражение в большом зеркале возле входной двери. Сходства действительно не наблюдалось.

– Мы могли быть сводными! – Честно говоря, я сама не знала, зачем углубляюсь в бесперспективную тему. – Мой отец русский, *белый-белый*!

– Зато я – Воронов по матери!

– Ваши родители развелись?

– Нет, – погрустнел он. – Считаю, что у меня никогда не было отца. Во всяком случае, я лично именно так и считаю.

Я развалилась на своей кровати, подрегулировав кнопками положение матраса. Признаться, кроме легкого головокружения, я не чувствовала никаких признаков сотрясения

мозга. Шишка на темени была небольшая и несильно болела, только если ее трогать. Тошнило меня только после того, как я приобщилась к деликатесной норвежской кухне. Единственное, что мне мешало, – тот самый дурацкий ошейник: он жал, натирал и упирался в подбородок. Я твердо решила, что если до завтра мне его не снимут, то я сдери эту гадость сама.

– А я по матери – тигре! – зачем-то сказала я.

– Знаю.

– Откуда?

– Пока вы приходили в себя, я познакомился с вашим отцом.

– Он мне ничего не сказал о вашем знакомстве.

– Он очень волновался о том, как вы встретитесь с ним. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить.

– Спасибо, что вы оказались тем кем-нибудь.

– Не за что. Я узнал много интересного. В том числе и о вас.

– И что же вы обо мне узнали?

– Все, что знал ваш отец, я думаю...

– О! Тогда вы узнали совсем немного, Александр!

Он развел руками.

– Во-первых, давайте просто Саша. А во-вторых, если вы пожелаете рассказать о себе что-то еще, буду очень благодарен и с удовольствием послушаю.

– О'кей! – кивнула я. – Вы Саша! Я Эва! Но пока я хотела бы узнать кое-что про вас. Все-таки муж, как-никак!

На мою иронию он отреагировал с чрезвычайно серьезной миной:

– Считаю для себя честью таковым называться!

– Ну-ну! Тогда скажите, кем и где вы работаете?

Выдержав паузу, Саша ответил.

– В Московском метрополитене. Помощник машиниста.

– Издеваетесь?

– Почему?

– Не похожи как-то...

– У вас, Эва, много знакомых работают помощниками машиниста в метро?

– Вроде нет...

– А тогда откуда вы знаете, что я не похож?

– Видела, в головном вагоне каждого состава.

– По внешности судить нельзя.

– Согласна. Тем более что внешне как раз вы вполне сойдете... Только вот не думаю, что эти ребята так и спуют в Нью-Йорк бизнес-классом!

– Сновать не спуем, конечно! Но так, иногда, по обмену опытом, почему бы и нет?

Я начала раздражаться.

– А что вы говорили про обезвреживание и про захват какой-то?

– Когда?

– Когда я тут, в этой койке, после их проклятого успокоительного в себя пыталась прийти, вы явились мне сквозь муть и кошмары...

– Это вам показалось, Эва! Если я и сказал что-то лишнее, то сам был после наркоза! – Саша, поморщившись, помахал в воздухе больной рукой. – Я простой пассажир. Такой же, как и вы. Случайно оказался в нужное время в нужном месте. Или, наоборот, в ненужном месте в ненужное время... Это как посмотреть.

– Зачем вы врете, Саша?

– Женам всегда врут!

Я почти взбесилась:

– Если бы не ваша больная рука, муженек, я бы уже давно показала вам кузькину мать!

– Не сомневаюсь! И все-таки...

– Что?

– Не хотите, чтобы вам вралли?

– Не хочу!

– Тогда не задавайте вопросов, на которые заведомо не получите честных ответов.

К тому моменту я окончательно уверилась, что передо мной фээсбэшник, напустивший на себя туман таинственности.

– А могу еще один вопрос задать? Только прошу либо ответить мне на него без вранья, либо сказать, что ответить не можете. Я не знаю, знаете ли, к какой группе вопросов его отнести.

– Задавайте.

– Этот парень, у которого вы в жопе ковырялись, – он жив? И если да, то куда его дели?

– Здесь все просто: я этого сам не знаю! Честно! А в жопе, как вы выразились, у него взрывчатка была. Типа тампакса у его подруги. Этот прокол был их прокол – у него при ходьбе зад так и вихлялся.

– Спецкурс по распознаванию наличия тротила в заднице вам тоже при обучении на машиниста давали? – не удержалась я. – Хотя в метро, увы, тоже теракты бывают, так что с этим моментом все в порядке.

– Там был не тротил. Но хорошо, что вы, Эва, оценили хотя бы то, что я этому казаху в зад не ради собственного удовольствия полез.

– Понимаю, искренне понимаю, что вы не играли в детскую игру «на приеме у проктолога», а делали все ради моей безопасности.

– И ради безопасности других пассажиров.

– Таких же простых пассажиров, как и вы сами.

– Правильно.

– Ладно! Хватит! – Я слезла с кровати и направилась к двери. – Вам чаю принести?

– Кофе, если можно. С молоком, но без сахара.

– Хорошо! А потом расскажешь мне про свою тайную работу. Также мне, «крепкий орешек», Рэмбо, блин!

Возле сестринского поста всегда стоял термос с горячей водой, чай, кофе, молоко и довольно приятные на вкус солоноватые крекеры. Турчанка уже ушла, и ее сменила неприятная сухопарая тетка с брезгливым выражением лица. Неодобрительно глядя на мои мантипуляции с чашками, она сердито отчитывала кого-то по телефону. Насколько я могла понять, говорила она по-польски, а отчитываемым был ее собственный муж.

Чтобы принести две чашки кофе и блюдо с печеньем, мне пришлось сделать две ходки. Взгляд медсестры неприкрыто говорил о том, что больничный кофе – это ее личная кровь, а крекеры – плоть! Что же касается меня, то я страшный зверь, собравшийся сожрать эту плоть и запить кровью. Разговор с мужем закончился, и тетка решила, что самое время переключиться на меня:

– А вам было разрешение брать самой кофе и бисквит? Наверное, начально нужно спрашивать!

Она говорила по-русски лучше, чем турчанка, но все равно акцент был устрашающим. Эта дама не осознавала, насколько мне было на нее плевать!

– Пани, если вам некому поставить клизму, то поставьте ее себе!

С этими словами я захлопнула за собой дверь в нашу ставшую двухместной палату. Вслед мне что-то вякнули, но я не вслушивалась.

– Ну, главные супружеские обязанности выполнены, – сказала я, поставив кофе на Сашину прикроватную тумбочку.

– Мама родила меня в восемнадцать лет, – заговорил Саша. – В двадцать три она снова вышла замуж. Весьма удачно, кстати. У меня есть еще сестра и брат.

– А у вас, Александр, с маминым мужем все нормально сложилось?

Я почему-то вдруг представила, что я буду чувствовать, если окажется, что мой папа женат на ком-то... и просто не решился мне об этом сказать...

– Может быть, все-таки «Саша» и на «ты»?

Я кивнула.

– С отчимом мы не особо близки, – продолжил он. – Но это не его вина. Дед с бабушкой настолько боялись, что мое постоянное присутствие может помешать маминой новой жизни, что я почти всегда находился у них. К тому же дед совсем на мне повернулся, и я его воспринимал, как многие и отцов не воспринимают. Мечтал, как и он, поваром стать...

– Не вышло?

Мой собеседник пожал плечами и очень приятно улыбнулся. В этот момент зазвонил его мобильник. Саша извинился и взял трубку. Я воспользовалась моментом, чтобы на минутку забежать в уборную. Когда я вернулась, мой сосед выглядел чрезвычайно обескураженным.

– Что случилось? – спросила я.

– Теперь, может быть, выйдет!

– Что выйдет?

– Пойти в повара! Мне только что сообщили, что мой контракт не продлен.

– То есть вы...

– Ты!

– Прости, ты. Ты больше не работаешь на своей сверхсекретной работе?

– А она теперь больше не сверхсекретная, – развел Саша руками. – И, собственно, работа закончилась. Теперь у меня секретов нет. Выхожу из шкафа! Я работал в службе безопасности авиакомпании. На каждом рейсе любого авиаперевозчика под видом одного из пассажиров обязательно летит специально обученный агент спецслужб – на случай террористической атаки.

– То есть вы, то есть ты, не машинист подземки, а агент спецслужб. Я правильно догадалась?

Он отрицательно покачал головой:

– Нет, неправильно! Это не я. Я, как и все пассажиры, не знаю, кто он, этот агент – он как раз посажен государством и представляет столь вожаемые вами...

– Тобой!

– Хорошо, тобой вожаемые спецслужбы! Дело в том, что некоторые авиакомпании, считающие себя престижными, сажают на рейсы еще одного-двух специально обученных людей, но из частного агентства, а то и из своей внутренней охранной структуры. На этом полете таким человеком был я. Честно говоря, я вначале подумал, что ты тоже «наша». Особенно после того, как ты дверь одним ударом разнесла. Но потом навел справки и понял, что...

– Что понял?

– Ну, что ты не «наша»... Но все равно очень классная!

Что же мне так приятно-то стало от этих слов? Никогда не думала, что падка на комплименты!

– Я на самом деле страшно перепугался, когда на тебя рухнул потолок. Всех бросило, конечно, но ты как-то особенно неудачно стояла... Думал, что все, прилетели! Кранты девушке!

– Не дождетесь! – отрезала я.

– Надеюсь!

– А за что же вас, то есть прости опять, за что тебя выгнали? Ты же все классно сделал, Саша! Как заправский проктолог, можно сказать!

– Зато рожу засветил.

– То есть...

– Теперь есть люди, которые понимают, кто я есть на самом деле. Ты, например. А это недопустимо! Действительно, они же могут еще куда-нибудь полететь и со мной пересечься... Тогда все... Теперь только в повара!

– И что, тебе даже никакого выходного пособия не заплатят?

– Заплатят, конечно, но не так чтобы много. Главное, нужно теперь что-то новое искать.

– Такого, как ты, везде возьмут! Сами за тобой бегать будут! – Я говорила совершенно искренне, но он только усмехнулся.

– Расскажи про себя.

– Так ты же с моим отцом разговаривал.

– А кто мне говорил, что он про тебя почти ничего толком не знает?

– Да, я, честно говоря, не понимаю, о чем мне говорить?..

– Это не столь важно, Эва. В любом случае мне нравится звук твоего голоса. Он меня не напрягает.

– Ах ты, хам!..

Сама не знаю, пришла ли я в бешенство или только изобразила его. Он посмел заявить, что ему вообще безразлично, что я говорю! Ему, видите ли, звук голоса моего нравится! В долю секунды я оказалась возле молодого человека и... не знала, что дальше делать. Даже шутя стукнуть Сашу с его покалеченной рукой я не могла. Я встала как вкопанная. Точнее, как дура. Осознав, что происходит, мой сосед рассмеялся, сам взял здоровой рукой мою ладонь и поцеловал.

– Извини, я пошутил! То есть мне действительно очень нравится твой голос... и не только голос... Но при этом мне очень интересно тебя послушать.

Я резко выдернула руку. Мне было очень приятно, но я впервые в жизни застеснялась, что у меня нет маникюра, застеснялась своих ороговевших мозолей и деформированных косточек. Раньше я только гордилась своими руками, понимая, что, только взглянув на них, любой вменяемый насильник и хулиган поймет, что от меня стоит держаться как можно дальше. Но этот малознакомый Саша Воронов невольно вызвал у меня такие чувства, что я даже испугалась. Я не только ощущала, что он мне приятен, мне казалось, что он сильнее меня. Мне, тигре, тоже иногда хотелось, чтобы рядом со мной оказался мужчина, за которым я почувствую себя как за каменной стеной. Чтобы был как Батый, но только мой.

– Ладно! – сказала я. – Прощаю. Но следующая порция кофе и крекеров – на тебе. Я не хочу больше общаться с дежурной сестрой. Не знаю, откуда они взяли такую стерву?

– Боюсь, у них негусто с выбором, – ответил Саша. – Но единственное, что я могу тебе предложить, – это пойти на пост вместе. Я смогу нести только одну чашку и только одно блюдо с печеньем! – Он покачал забинтованной рукой.

– Какая же я дура! – воскликнула я. – Я забыла, что мне в супруги достался инвалид. Раньше предполагала, что мой муж будет исключительно сильным и здоровым.

– Так и будет скоро! – ответил Саша.

– Ну-ну!

Мы направились на пост за горячим питьем и печеньем.

Полька встретила нас еще более злобно, чем полчаса назад меня одну.

– С вашего позволения, мы нальем себе что-нибудь, – чрезвычайно вежливо обратился к ней по-английски Саша.

Медсестра ничего не ответила. На секунду подняв глаза, она метнула на нас взгляд, полный раздражения.

Мы уже уходили с добычей, когда она выкрикнула нам вслед по-русски:

– То, что вас селили вместе, не означает, что вам разрешенные супружливые сношения!

Врач дал указание: «Больным нельзя делать никакого секса!»

– Никакого?!

Я почувствовала, как к лицу прилила кровь. Господи! Как повезло этой идиотке, что мы с ней в этот момент оказались не вдвоем!

Саша понял, что сейчас может произойти, и буквально втолкнул меня в палату. Я смотрела на него, и мне было совершенно непонятно, что я могу рассказать о себе. Жизнь разделилась в моем сознании на две части – совсем незначительное или слишком личное. Наверное, то, что я рассказывала Саше в тот вечер, было слишком путано, сбивчиво и невнятно. Трудно рассказывать о собственной жизни, не впадая в патетику. Разумеется, жизнь человека, не достигшего двадцатилетия, представляется окружающим еще очень короткой. Но не стоит забывать, что из-за того, что мы не помним дня своего появления на свет, уже прошедшая часть жизни бесконечна и для десятилетней девочки, и для восьмидесятилетней старухи. Зато оставшийся кусок конечен для них обеих, а потому до животной тоски мал!

Настал отбой. Мы поняли это по тому, что выключили основное освещение, как всегда в десять вечера. Свет, исходивший от индивидуальных светильников на стенах, был, в отличие от потолочных плафонов, не бело-голубым, а теплым, желтоватым. Прикатили Сашину кровать, над его изголовьем не оказалось лампочки. Я увидела, что у него с собой есть несколько книжек, и предложила подкатить койку поближе к моей, чтобы ему тоже достался свет от моего ночника... И, вообще, мне захотелось, чтобы Саша оказался поближе.

Саше было неудобно нагибаться, и, главное, ему мешала скованность и боль в левой руке. Поэтому я сама нагнулась и сняла колеса его кровати со стопора. После этого подкатить койку куда надо не составило никакого труда. Выполнив эту нехитрую работу, я пошла в душ. Разделась и, немного подумав, отстегнула ошейник. Хватит! Хотелось помыться по-человечески. С непривычки собственная шея показалась мне слабой и какой-то уж чересчур длинной. Зато она почти не болела. Я встала под распылитель и включила воду. Какое счастье! Легко выдавив немного шампуня из укрепленной на кронштейне большой тубы, я с наслаждением намылила голову. По-видимому, я слишком сильно надавила на пластиковую емкость, и шампунь стек на кафельный пол. Я сама не поняла, в какой момент сделала неосторожное движение, но обе мои ступни внезапно скользнули по намыленному кафелю. Все из-за той же самой непослушной шеи я не сумела сохранить равновесие и со всего маху опрокинулась на пол, на раковину и на унитаз. Честно говоря, я не думаю, что произвела большой шум. Но Саша все равно услышал, что я рухнула, и уже через секунду влетел в душ. Думаю, что мало кто хотел бы предстать перед кем бы то ни было в таком виде. Абсолютно голая, я лежала спиной на унитазе, судорожно сжимая одной рукой край раковины. Другой рукой я пыталась прикрыться от Саши, прибежавшего меня спасать. Голова завалилась назад, а шейные мышцы не желали меня слушаться, из-за чего я вообще не могла вернуться в нормальное положение. Было немного больно и очень, очень обидно!

Оценив ситуацию, Саша моментально подхватил мою голову, а затем, действуя одной только правой рукой, подхватил меня, перевернул и положил себе на плечо. Я не успела опомниться, как оказалась в палате на кровати.

– Что ушибла, сломала? Где болит?

– Все ерунда! – ответила я.

Ушиблась я, конечно, всем, чем только можно, но ни о каких переломах речи не шло.

– Пусти! Я вернусь в душ и смою шампунь!

– Лежать! Не шевелиться!

Он самым настоящим образом прижал меня к кровати и не дал подняться.

– Сейчас мы тебя оботрем.

Я решила не сопротивляться. Кости целы, мозг не задет – это главное. А если он хочет благородно поухаживать за «падшей» в душе голой девицей, то на здоровье. Я даже перестала прикрываться – что мне, собственно, прикрывать!

Саша примчался с двумя полотенцами. Одно из них было влажным, а другое – сухим. Первым он стер с кожи всю мыльную пену, а вторым вытер насухо. Было приятно, но главного Саша не учел.

– А голова?

Действительно, пены в моих волосах уже не было, но они были совершенно мыльные. Саша сопровождал меня к раковине и поддерживал, пока я промывала голову душем. Всякое стеснение у меня окончательно прошло. И вообще, мне было приятно, как он меня держит и прижимает к себе. Настолько приятно, что ушибы вообще перестали ощущаться. Я прошлась по мокрым волосам полотенцем. При этом Саша бережно поддерживал мою шею. Потом мы двинулись назад в палату. Я уткнулась лбом ему в плечо и целенаправленно прижалась к здоровой руке грудью. Я помнила, как это в свое время подействовало на Костю. Сашина кровать была ближе, и я уже ее намочила, когда он затащил меня на нее после падения. Так что теперь кровать будет моей.

Вскарабкавшись, я перевела взгляд с Сашиного лица на куда более низкий уровень. И сразу же отметила, что даже в экстремальной ситуации я ему небезразлична.

– Ну, как ты теперь? – спросил он меня заботливо.

– Ничего! Все в порядке! Спасибо! Извини за беспокойство! – выпалила я и откинулась на подушки.

– Больше так не делай.

– Ага. Ты ж понимаешь: я это специально. Это у меня ежедневный моцион перед сном. Он засмеялся.

Я осторожно потрогала его забинтованную руку.

– Тебе это не мешает?

Он удивился вопросу.

– Не мешает чему?

– Как то есть чему?! – с деланым возмущением воскликнула я. – Разумеется, выполнению супружеского долга!

– Не понял...

– Чего ты еще не понял? Ты что, не слышал, как эта стерва запретила нам с тобой заниматься сексом? – Я махнула рукой в направлении коридора. – Я не буду тигре, если послушаюсь подобных указаний. А ну, иди сюда!

Слава богу, что он не сопротивлялся. И даже наоборот! А то я бы окончательно уже решила, что мне на роду написано доминировать над мужиками.

Саша мне действительно очень, очень нравился. Хотя о том, что у нас получилось, а точнее, не получилось в тот вечер, можно снимать порнокомедию о половой жизни инвалидов. То есть все, что касается той части мероприятия, которая в популярной литературе слащаво называется «прелюдией», или, что еще мерзее, «предварительными ласками», получилось отлично. Я блаженно возлежала на высокой больничной кровати, пока мой сосед-супруг-однофамилец ласкал меня здоровой рукой и нежно целовал мое ушибленное о твердую сантехнику тело. Шею и прикрепленную к ней голову я настолько удачно разместила между двух поролоновых подушек, что неизбежные при подобных обстоятельствах шевеления проходили почти безболезненно. Но через некоторое время мне уже захотелось большего, и я недвусмысленно позвала его к себе.

Честное слово, я много бы отдала, чтобы увидеть со стороны то, что произошло дальше! Правда, в тот момент я ужасно перепугалась, когда Саша попытался элегантно запрыгнуть ко мне, лишь слегка опершись на никелированный поручень, расположенный в ногах. Перекатив незадолго до этого больничную койку, я забыла поставить колеса на стопор. Поэтому Саша не смог удержать равновесие и, вместо того чтобы оказаться в моих жарких объятиях, грохнулся на пол, а я, голая и жаждущая продолжения банкета, быстро покатила в противоположную сторону.

Ни я, ни Саша не успели до конца сообразить, что происходит. Двери палаты распахнулись от полученного толчка, и я вылетела в коридор. Противная медсестра клевала носом на своем рабочем месте. Пробудил ее сильнейший удар – мое спально-транспортное средство врезалось в стойку поста. Деревянная конструкция накренилась, и на голову надменной даме посыпались медицинские карты, коробочки с таблетками и одноразовые стаканчики. От боли в шее у меня из глаз посыпались искры. Но когда обезумевшая спросонья полька подскочила на своем месте и завопила: «Кур-р-р-в-а-а-а!», я чуть не кончила, захлебываясь собственным диким смехом! Интересно, все ли тигре склонны так смеяться при подобных обстоятельствах?!

Забытая встреча

На следующий день Сашу выписывали. Он улетал оперироваться в Германию. Незадолго перед отъездом его пригласили в административное крыло на какую-то конфиденциальную беседу. Вернувшись в палату, он никаких подробностей не рассказал, ограничившись обобщающим замечанием: «Чушь все это!»

Нам с моим невольным «мужем» и несостоявшимся любовником осталось только десять-пятнадцать минут на то, чтобы выпить по чашке кофе и попрощаться. Несмотря на вчерашний позор, а возможно, и благодаря ему нам обоим не хотелось прощаться навсегда. Я первая оставила свой телефон и адреса – почтовый и электронный. Наверное, девушке нескромно проявлять инициативу, но мне на подобные правила плевать. Я знаю, чего и кого я хочу, и готова выбирать сама. Я – тигре!

Разумеется, Саша тоже написал мне, как его найти. Визитки у него, как и у меня, не было, поэтому я записала телефоны и адреса в память своего мобильного.

Возникла странная пауза. Мы смотрели друг на друга и не знали, о чем говорить. Лепетать друг другу о внезапно нахлынувших чувствах? Нет, Это не про меня, да и не про него тоже. Вспоминать о том, как я ночью голая каталась по коридору? Пусть лучше об этом вспоминает медсестра и те, кто подглядывал за мной через приоткрытые двери палат.

И вдруг я вспомнила! Во всей самолетной истории было нечто, о чем я забыла, что просто вылетело из моей бедной ушибленной головы. И именно сейчас я осознала, что должна поделиться важной информацией.

– Саша! – Я поставила на тумбочку свой прощальный кофе и твердо посмотрела в зеленоватые глаза. – Я должна сказать тебе нечто очень важное.

Он просиял, подошел ко мне, приподнял здоровой рукой мой подбородок и поцеловал меня в губы.

– Говори! Но я все-таки скажу тебе первым, что люблю тебя.

Это было настолько неожиданно, что я, погруженная в новые мысли, отреагировала не совсем адекватным и наверняка не самым приятным для своего «псевдосупруга» образом.

– Да-да! Очень хорошо, что ты сказал это. Я тоже, разумеется, тебя очень... Но я другое хотела сказать...

– Романтичная ты!

Он отшатнулся и повалился в свое кресло. Я поняла, что не права, и попыталась обратиться все в шутку:

– Не обижайся! Я никак не отойду после нашей с тобой страстной ночи!

При этих словах я демонстративно покрутила головой на несколько окрепшей, но все еще побаливающей шее. Мы оба засмеялись.

– Ну, давай, – вздохнул Саша. – Я повесил свои уши на гвоздь внимания.

– Я забыла сказать и тебе, и вообще всем, что знаю этого казаха.

– Что?!

– Ну, то есть не знаю, конечно, но видела один раз.

– Где?

Интересная штука – человеческое лицо! Вроде бы тот же самый Саша полминуты назад трепетно целовал меня в губы и весь светился нежностью, а теперь просто дознаватель какой-то. Глаза в щелочку, ноздри раздулись! Сыскной пес! Видел бы он себя и тогда, и сейчас! Вот я, как мне кажется, всегда одна и та же. Даже кончая не забываю, что я – тигре.

Я рассказала про свою поездку на подмосковный аэродром и про то, какое странное впечатление на меня произвел изуродованный восточный парень. Разумеется, я перекачала в Сашин мобильник и номер телефона своего инструктора, и все данные аэроклуба.

– И вот еще что!

– Да?

– Мне кажется, точнее, я уверена, что тот мерзкий тип, что был за рулем «Мерседеса» там, на аэродроме, также сидел в одном с нами бизнес-зале в Москве. Я не видела, чтобы они общались между собой... и мне это показалось странным...

За Сашей уже приехала машина. Водитель поднялся в отделение, чтобы помочь ему нести вещи. Вещей набралось неполная спортивная сумка, и Саша попросил водителя подождать две минуты внизу. Коренастый турок-таксист постучал ногтем по циферблату своих наручных часов и оставил нас одних.

Теперь уже я сама подошла к Саше и поцеловала его:

– И я тебя люблю... по-моему... – выдавила я несколько виновато.

– Постарайся в ближайшее время уточнить.

Мне не понравился его ответ. Похоже, он вышел из палаты, ощущая себя победителем. Ну и пусть, главное, чтобы я не была при этом побежденной. А этому не бывать!

Не рассчитывая на то, что Воронов обернется, я все же вышла в коридор, заполненный возвращавшимися с обеда больными. Миновав пост, Саша все же обернулся. И тогда я, еще раз вспомнив про наше ночное фиаско, распахнула ворот халата и повела плечами так, чтобы мои груди покачались на прощание. В шутливом смущении Саша прикрыл глаза и выбежал из отделения. Я смеялась вслед, пока в мою левую грудь не воткнулся своим длинным носом старичок в толстенных очках, заляпанных картофельным пюре. Сосредоточенно вытирая рот бумажной салфеточкой, подслеповатый дедок просто не видел, куда он бредет. А может, и видел...

Эфиопский попутчик

Когда я уезжала из Бергена, моросящий дождь сменился невиданной силы ливнем. Теперь я наконец поняла, что местные жители называют плохой погодой, в отличие от обычной, по их мнению, хорошей. В качестве компенсации за пережитое я получила от авиакомпании билет первого класса до Нью-Йорка через Франкфурт. Российские перевозчики регулярные полеты в Берген не выполняли, и им было проще заплатить конкурентам за европейский транзит, чем тащить меня назад в Москву.

Во Франкфурт я прилетела в полдень. Вышла из «рукава» и направилась на пересадку в противоположное крыло огромного хаба. Шея уже совсем прошла. Я поступила совершенно правильно, что быстро избавилась от дурацкого ошейника.

Я знала: где-то рядом, в каком-то небольшом университетском городке оперировали Сашу. У меня при всем желании не было возможности оказаться рядом – моя экстренная норвежская виза не была шенгенской. Я страстно желала Саше удачи и молила Всевышнего, чтобы операция прошла безо всяких проблем и осложнений, все еще не могла понять своего отношения к Саше, по большому счету, малознакомому человеку, еще недавно казавшемуся мне просто попутчиком, причем попутчиком не самым приятным.

Любопытно, задумалась я: последнее время на мою жизнь оказывали очень большое влияние те, с кем мы совершенно случайно оказывались соседями по поезду, автобусу, самолету. Снова вернулась мысленно к тому давнему вечеру, когда подвыпивший парень, сидевший напротив меня в вагоне метро, высказался по поводу моей внешности, чем немало повеселил свою мерзкую компанию. Он ведь тоже в известной степени был моим попутчиком в коротком подземном путешествии. Хамское выступление повлияло на меня совершенно непропорционально: теперь я была почти благодарна тому недоноску за то, что он заставил неуверенную в себе чернокожую девочку взглянуть на себя совсем с другой стороны. Если бы не он, я так бы и не поняла, насколько я на самом деле красива и интересна, я никогда не стала бы такой свободной и уверенной в себе. Если бы я не встретила потом Николу Паганяна, юного скрипача, и двух хулиганов, хотевших его избить, я не прочувствовала бы в полной мере тяжкий дух моего любимого города. Потом были аферист психиатр-психолог-шаман Берг и обмирающий от ощущения собственной значимости журналист Дубис, потом – тетя Клава, потом – два неудавшихся террориста и вот теперь – этот Саша. Между прочим, Саша этот едва не стал вообще моим последним в жизни попутчиком.

Стыдно, но я почти совсем не вспоминала о моем Косте. Наверное, так ощущает себя юноша из приличной семьи, походя переспавший с милой, но, по большому счету, безразличной ему девушкой. Может быть, он из чувства долга даже женится на ней. Бедняга! Он считает, что поступает самоотверженно, красиво и благородно, и, по большому счету, подлом ему, рабу собственного члена! Девичья честь спасена, но рождается еще одна несчастная семья. Я имела все основания гордиться Костей, не побоявшимся задержать в темноте напавшего на деда Лешу мерзавца, я была очень благодарна ему за все, но... сама не знаю почему – любить его у меня не получалось. Иногда я пыталась представить себе, что у Кости есть другая девушка. Немного неприятно, но не более того! Хорошо все-таки, что я дама и после разрыва связи могу жить без особых угрызений совести. Неудобно, конечно, но, в конце концов, в соответствии с принятой у нас системой ценностей и доблестей он может только гордиться своей победой. К тому же Косте вообще довелось лишить меня невинности. Это, насколько я понимаю, вообще крутизна невероятная. Впрочем, я уже знаю, что его мысли – совсем о другом. Хороший мой мальчик! То есть действительно мальчик, действительно хороший, но, похоже, все-таки совсем не мой.

Ждать во Франкфурте почти не пришлось. В отличие от прошлого раза я даже не успела воспользоваться VIP-залом. Через отдельный «рукав» поднялась на второй этаж гигантского «Боинга-747». Первый класс и впрямь был роскошен, я бы даже сказала, он был бессмыслен в своем роскошестве. Восемь с половиной часов полета вполне можно провести и в широченных креслах бизнес-салона, и даже в «экономе». В туристическом классе тоже нет ничего страшного.

Кресел было всего двенадцать. И были они такие огромные, что их и креслами-то назвать трудно. Каждое раскладывалось в полноценную кровать со своим прикроватным столиком и плафоном-ночничком. С левой стороны от лестницы, ведущей вниз в салоны эконом- и бизнес-классов, располагался небольшой, но впечатляющий бар. Бутылки и бокалы закреплялись в специальных фиксаторах, чтобы не падать при взлете, посадке или при попадании самолета в зону турбулентности. Вместо высоких табуретов у стойки в пол были вмонтированы четыре вращающихся кресла. Каждое из них было снабжено ремнем так же, как и основные места. Я поискала глазами табличку «Не пристегнутым не наливаем!», но не нашла. Наверное, в первом классе грозные таблички не приняты. За стойкой во время посадки никого не оказалось. Наверное, бар открывают только после набора высоты.

Я вошла первой и даже решила вначале, что так здесь и останусь в полном одиночестве. Понятно, что мой билет – это часть компенсации за предыдущий аварийный полет. Но я не представляла себе, кому может прийти в голову выложить из собственного кармана десять тысяч долларов за восьмичасовой перелет. Кстати, в большинстве самолетов вообще нет салона первого класса, а зачастую перевозчик вообще использует только экономическую компоновку самолета.

Пока одна стюардесса помогла мне занять свое место, другая сразу же подбежала с подносом напитков на выбор. Я аккуратно взяла за ножку тонкий бокал с розовым шампанским и стала неспешно изучать мультимедийные возможности своего места. Мне предлагали жидкокристаллический телевизор с кучей новостных и музыкальных каналов, можно было посмотреть не меньше сотни фильмов, минимум двадцать из которых – в русском переводе. Можно было послушать и множество радиостанций. Я распечатала комплект наушников. Попыталась найти «Эхо Москвы», чтобы узнать, что произошло за последние несколько дней в России. Но пока добиралась до «Эха», наткнулась на канал криминальных новостей и, любопытства ради, задержалась на нем. Скудный женский голос монотонно вещал: «Ужасная история произошла минувшей ночью в Западном административном округе Москвы. Маша и Валя, ученицы десятого класса средней школы, в одиннадцать часов вечера вышли из печально известного диско-клуба «Прорва», расположенного на Малой Филевской улице. Девушки решили, что домой им возвращаться еще рано, и направились погулять в Филевский парк. В половине первого ночи они случайно встретились на одной из прогулочных дорожек с компанией выпивших молодых людей. Ими оказались: Сергей П. семнадцати лет, учащийся одиннадцатого физико-математического класса гимназии, Николай Д. девятнадцати лет, студент второго курса строительного колледжа, и Родион Матвеевич Т. сорока девяти лет, ранее судимый слесарь троллейбусного парка. Дружба завязалась буквально за несколько минут. Новые друзья пригласили девушек пойти с ними в подвал старой пятиэтажки. Там временно проживал Родион Матвеевич Т. после того, как разошелся со своей гражданской женой Антониной К. По словам молодых людей, в подвале имелось все для того, чтобы весело продолжить хорошо начавшийся вечер. Действительно, кроме изрядного запаса крепких спиртных напитков и пива там обнаружилась даже банка просроченных рыбных консервов. Вначале девушки чувствовали себя в новой компании хорошо. Но к пяти часам утра, после того как были выпиты четыре бутылки водки, Маша и Валя почувствовали недоброе. Но было поздно – неизбежное свершилось! В пять тридцать утра наряд милиции под командованием капитана Клычова обратил внимание на подозрительные звуки, разда-

вавшиеся из заброшенного подвала. Стражи порядка действовали слаженно и профессионально. Одурманенные алкоголем насильники были захвачены врасплох, при задержании они не смогли оказать сопротивления. Теперь им предстоит предстать перед судом и понести суровое наказание. Капитан Клычов и раньше проявлял себя смелым и решительным офицером. Неоднократно получал благодарности, отмечен почетными грамотами. Руководство управления внутренних дел по Западному административному округу заверило нас, что уже в ближайшие дни капитан Клычов будет представлен к государственной награде за высокий профессионализм и личное мужество».

Восторг! Я не могла не дослушать эту душераздирающую историю до конца. Потом продолжила поиск, но, добравшись наконец до «Эха Москвы», сразу наткнулась на «особое мнение» господина Проханова. С раздражением выключила радио – ну не блевать же, в конце концов, розовым брютом, не успев даже подняться в воздух.

В салон вошли люди: несколько пятидесяти-шестидесятилетних мужчин в дорогих костюмах и не менее дорогих очках. Глядя на них, можно было предположить, что они если и не братья, то, по крайней мере, выходцы из одного роддома. Одетые в одинаковых бутиках, они, похоже, заказывали очки в одном салоне оптики и посещали одного и того же дантиста. Дама, если не считать меня, была только одна, чрезвычайно респектабельная, одетая с безупречным вкусом. Национальную принадлежность ее на взгляд я определить не могла.

Все мужчины – пассажиры первого класса выглядели чинными, важными и преисполненными собственной значимости. Их прямо-таки распирало от гордости за самих себя и за те великие дела, которые каждый из них, по его мнению, вершил.

Что же касается дамы, то сразу было видно, что она в сто раз умнее всех этих джентльменов, вместе взятых. Ей не требовались очки, ее зубы наверняка не встречались с дантистом, а потрясающий профиль, идеальная фигура и безукоризненная осанка производили впечатление гордой неприступности. Я не знаю, где был пошит ее роскошный брючный костюм, но понимала, что в данном случае это неважно. Его хозяйка была столь великолепна, что, даже если бы она сидела голой или, наоборот, в рубище, ничего бы не изменилось. Просто окружающие поняли бы, что так теперь нужно выглядеть и одеваться. Но меня ее облик определенно насторожил. Черты ее показались мне знакомыми. Я вспомнила холеную арабку в хиджабе, сидевшую в бизнес-зале Шереметьева. Сейчас на ней не было никакого хиджаба, и я даже не была уверена, что слово «арабка» ей подходило. Внимательный жесткий взгляд скользнул по моему лицу. Я поняла, что сама она меня не узнала, не видела никогда или не помнила. В этом я вряд ли могла ошибиться.

Посадка на рейс почти закончилась, когда у входа послышались нечленораздельные крики и громкие сердитые возгласы. Одна из стюардесс помчалась по лестнице вниз и спустя минуту вернулась в сопровождении всклоченного человека, наряженного в национальные эфиопские одежды и сандалеты. В руках человек сжимал воняющий козлятиной барабан.

– Вы не можете лишить меня копы! – кричал он на ужасном английском, в котором улавливался знакомый всему миру тяжелый русский акцент. – Оно без конечника. Оно не острое! Я всю дорогу с ним! Его даже на досмотре не отбирали!

Тем временем стюардесса уловила дух, исходящий от барабана, и, скорчив брезгливую мину, ухватила за него:

– Зачем вы схватились за мой барабан? Это подарок! Ну, объясните мне, какие проблемы барабан может создать самолету?

– Простите, мистер! – Стюардесса с силой тянула барабан на себя. – Но этот барабан очень воняет. И копые ваше тоже очень-очень воняло, и оно слишком длинное. Поэтому его и забрали! А барабан пахнет совсем ужасно!

– Это только вначале так кажется, в первые несколько часов. Потом вы привыкаете! И все привыкают. Вот увидите! В эфиопской авиакомпании мне их дали провезти без

проблем. Положили в какой-то лючок, а потом отдали. А здесь задержали, будто я какой-то дикарь!

При этих словах пассажир не удержался от жестикуляции, взмахнул руками... и выпустил барабан. Прямо как ворона из басни дедушки Крылова в момент утраты сыра.

– Вы не волнуйтесь! – Стюардесса уже тащила свою добычу вниз по лестнице. – И копье ваше, и барабан отправят грузовым рейсом и пришлют вашу собственность прямо на дом.

– Может, хотя бы в багажное отделение?

– Нет, в пассажирском самолете вещи с таким резким запахом не перевозят. Только грузовыми рейсами.

Все обитатели салона первого класса уставились на нового соседа с неподдельным удивлением. Тот с досады топнул ногой, обутой в замысловатые кожаные сандалии.

– Вот же бл...! – Осмотревшись вокруг, он пришел к убеждению, что никто здесь по-русски не говорит. – Еб...я авиакомпания! Еб...ые немцы! Воняет им, бл...! Сами от естественных запахов отвыкли, вот и понятно, что им натуральная шкура, бл..., воняет!

Он еще раз топнул ногой, замер, а потом содрал с обеих ног кустарно пошитую обувь. Сжимая обшарпанные сандалии в руках, он подбежал ко второй стюардессе и сунул ей подметки буквально в нос:

– Вот! Может быть, вы еще и их заберете?! Тоже не «мейд ин Чайна», тоже из козлиной кожи! Может быть, и они вам воняют?!

Девушка брезгливо понюхала кончик ремешка и тут же инстинктивно отшатнулась, но нашла в себе силы остаться невозмутимой. Теперь ее улыбка уже напоминала оскал:

– Спасибо, сэ-эр!

Она так быстро выхватила сандалии из рук рассерженного пассажира, что тот даже не успел опомниться, и засунула вонючую обувь в бумажный пакетик, предназначенный для особо неприятных случаев. Я пригляделась и увидела, что на пакетике среди доброго десятка иностранных надписей в самом низу, после арабской вязи и иероглифов, красовалась и надпись на русском языке: «Для рвотных масс привилегированных пассажиров». «Привилегированный» пакет был минимум в два раза больше, чем аналогичные пакеты в «экономе». Очевидно, с расчетом на усиленное питание и изобилие напитков.

Обобранный, а теперь еще и разутый пассажир казался очень обескураженным: его пафосное предложение восприняли всерьез, и сандалии ручной эфиопской работы направились к выходу из самолета, где уже скрылись до этого и барабан, и копье.

– И что же мне теперь делать?! – Человек демонстративно задрал ногу и пошевелил пальцами.

Стюардесса улыбнулась ему так, как улыбается, наверное, тучной антилопе голодная самка леопарда, и протянула комплект из одноразовых нитяных носков и тряпичных шлепанцев.

Несчастный развел руками столь широко, что стало ясно – он пасует перед мировым идиотизмом. Казалось, после этого он успокоится. Но нет: помедлив не более десяти секунд, он вновь впал в иступление и начал сдирать с себя еще и цветастую льняную рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.